УДК 930(092)

П. Н. Базанов

Русский эмигрант Н. И. Ульянов — сотрудник Института истории АН СССР

Биография и творчество известного историка, представителя второй «волны» эмиграции, профессора Николая Ивановича Ульянова (1904–1985) до сих пор не изучены. В многочисленных публикациях о его жизни исследователи ограничиваются простым упоминанием фактических сведений — учился в Петроградском университете, был учеником С. Ф. Платонова, в начале 1930-х гг. работал в Ленинградском институте истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ), на историческом факультете ЛГУ, в Военно-политической академии им. Н. Г. Толмачева. Не будем указывать никого конкретно, но анекдотически выглядит утверждение о работе Н. И. Ульянова в никогда не существовавшей «историко-**археологической** комиссии» — это невнимательный пересказ официальной версии жизни и деятельности историка, опубликованной в сборнике статей его памяти «Отклики»[1]. На самом деле Н. И. Ульянов был ученым специалистом Историко-**археографической** комиссии АН СССР, преобразованной в Институт истории АН СССР.

Приобщение Н. И. Ульянова к деятельности археографической комиссии началось еще в студенческие годы. К работе с рукописными источниками молодого историка стал привлекать его учитель — академик Сергей Федорович Платонов (1860–1933) — руководитель Археографической комиссии в 1918–1929 гг. Н. И. Ульянов учился на платоновских семинарах в Ленинградском университете: «Русская история. Памятники Смутного Времени»,

[1] Отклики: Сб. ст. памяти Николая Ивановича Ульянова (1904–1985). Нью Хэвен, 1986. 248 с.

«Русская история. XVII век», «Русская история. История русского Севера»[2]. Н. И. Ульянов впоследствии вспоминал об учебе: «Следил Платонов за степенью “вчувствования” в избранную тему, за степенью мобилизации материала, за тонкостью аргументации, за композиционным построением»[3]. Под влиянием академика Н. И. Ульянов усиленно начинает заниматься историей Северо-Запада России и Русского Севера XVI–XVII вв. Первая же его студенческая работа «Влияние капитала на колонизацию русского Севера в XVI–XVII вв.» была рекомендована к печати С. Ф. Платоновым в докладе на неделе русских историков в Берлине в 1927 г.[4]

После окончания университета в связи с централизацией поствузовского обучения Н. И. Ульянов поступил в аспирантуру РАНИОН (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук) в Москве. Это произошло благодаря положительным характеристикам С. Ф. Платонова его вступительной работы: «выдающаяся»[5] и «тема поднята правильно, хорошо обдумана и выполнена прекрасно, автор обладает хорошими сведениями по экономике, широко осведомлен в литературе вопроса и непосредственно знаком с первыми источниками»[6]. В годы аспирантуры Н. И. Ульянов, исследуя тему диссертации — «Кола и Мурман XVII в.»[7] и одновременно работая в Кольской экспедиции АН СССР, не прерывает связи со своим учителем, состоит с ним в переписке, рассказывает о научных успехах и археографических находках. В свою очередь академик даже помогает копировать редкие документы XVII в. для работы над диссертацией. Приведем почти полностью письмо Н. И. Ульянова к С. Ф. Платонову от 22 февраля 1929 г.: «Не сочтите за неучтивость мое молчание в ответ на вашу (именно так и далее. — П. Б.) открытку от 16.I. По досадному обстоятельству я смог получить ее только теперь. Она дважды пересылалась из Москвы в Петербург и обратно. Январь и первую половину февраля я был в Петербурге, но в то время ходили тревожные слухи о вашем здоровье и вашей чрезвычайной занятости, поэтому я не решился беспокоить вас своим посещением. Я должен выразить вам мою искреннюю благодарность за хлопоты, связанные с выпиской дневника Я. Мунка, но мне было бы неприятно, если это доставляет вам какие-либо неудобства и затруднения, тем более что самый этот документ уже не представляется столь необходимым для моей работы, как это

[2] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. Р-7240. Оп. 6. Д. 2262. Л. 29а–30, 30 об. — 31.

[3] *Ульянов Н. И.* С. Ф. Платонов // Спуск флага. New Haven, 1979. С. 125–127.

[4] *Платонов С. Ф.* Проблема русского Севера в новейшей историографии // Летопись занятий Археографической комиссии за 1927–1928 гг. Вып. 35. Л., 1929. С. 113; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ). Ф. 585. Д. 637. Л. 8.

[5] Архив РАН (Москва). Ф. 359. Оп. 1. Д. 22. Л. 107.

[6] Там же. Л. 106.

[7] *Багдасарян В. Э.* Историография русского зарубежья: Николай Иванович Ульянов. М., 1997. С. 12.

казалось раньше. Среди Датских Дел и Приказных Дел Нового Разбора мне удалось найти такие столпцы, которые прекрасно освещают эпизод нападения датских кораблей на Мурман в 1623 г. Дневник Мунка мог бы явиться теперь только известного рода лакомством, ради которого, я, однако, не смею отнимать у вас ни времени, ни труда. Самая работа моя уже почти закончена, и в скором времени я надеюсь предложить ее вашему вниманию. Наконец, хотя я приложил бы все усилия, чтобы [передать по] прибытии туда рукописи, но при настоящем тревожном положении в РИНИОН'е я вряд ли смогу твердо [гарантировать] такой немедленный приезд. Все это заставляет меня прежде всего выразить вам еще раз мою благодарность, и если затребование рукописи связано с каким-либо риском или неудобством — простить, не утруждать себя заботами об искренне преданном вам Н. Ульянове»[8]. Н. И. Ульянов вспоминал о своих последних встречах с учителем: «Приезжая в Ленинград, я видел его либо в Археографической комиссии (преобразованной впоследствии в Институт истории Академии наук), либо "ловил" в кулуарах академической библиотеки, директором которой он в то время был. Бывал иногда и на квартире у него на Каменноостровском проспекте»[9]. После создания аспирантуры при АН СССР С. Ф. Платонов предложил своему ученику перейти туда из РАНИОН с возможностью дальнейшей работы в академических учреждениях. Для этого «надо было подать прошение в особую комиссию по приему, возглавлявшуюся В. П. Волгиным, которое получило благоприятную резолюцию»[10].

Спас молодого историка от прохождения по знаменитому «платоновскому делу» Сигизмунд Натанович Валк (1887–1975). Н. И. Ульянов образно описывает состоявшийся разговор: «"Вы с ума сошли!.. Академия — это осажденная крепость. Не сегодня-завтра она падет". Предостережение исходило от человека, которому нельзя было не верить. Теперь, когда я узнал о его смерти, я могу назвать его имя. Это был С. Н. Валк — один из учеников покойного академика А. С. Лаппо-Данилевского, специализировавшийся в области дипломатики — науки о документе — вспомогательной исторической дисциплине. Как единственный знаток в этой области, он приглашен был в Институт Ленина, где почувствовалась надобность в таком специалисте. Мы с ним были близки, и уже будучи в Америке, я получал от него дружеские приветы. Зная по своей службе в Институте Ленина то, чего остальной мир еще не знал, он счел нужным предостеречь меня»[11]. Воспоминания Н. И. Ульянова полностью подтверждаются другими документами. Действительно, они вместе работали в библиотеке Института Ленина над описанием нелегального фонда РСДСРП[12].

[8] ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 4421. Л. 1–2.

[9] *Ульянов Н. И.* С. Ф. Платонов // Спуск флага. New Haven, 1979. С. 130.

[10] Там же. С. 135.

[11] Там же.

[12] Социал-демократические листовки 1894–1917: Библиогр. указ. Т. 1: Листовки центральных учреждений и заграничных организаций / Под ред. Б. П. Бирмана, Г. И. Крамольника,

Вскоре судьба снова свела двух историков. С. Н. Валк с 1932 г. работает в Институте книги, документа и письма АН СССР, влитый в Институт истории АН СССР, а с 1936 г. — на должности старшего научного сотрудника и заведующего секцией (сектором) и одновременно на одной кафедре в ЛИФЛИ. Впоследствии С. Н. Валк стал профессором, доктором исторических наук и даже директором (1938–1939 гг.) Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ЛОИИ). Н. И. Ульянов упоминает его (с другим вторым инициалом!) как близкого знакомого в протоколе допроса от 4–5 июня 1936 г.[13] Под влиянием С. Н. Валка Ульянов написал письмо 21 ноября 1929 г. С. Ф. Платонову: «Те обстоятельства, о которых я имел случай сообщить Вам во время своего последнего приезда в Петербург, заставляют меня снять свою кандидатуру в аспирантуру академии. Одновременно этим письмом я посылаю в Секретариат формальный отказ, который оттягивал до сих пор в надежде на перемену ситуации. Мне остается выразить Вам мою глубокую признательность за Ваше доброе участие в моем деле и сожаление, что я оказался недостойным того в высшей степени любезного и лестного для меня покровительства, которое Вы мне в данном случае оказали»[14]. С. Ф. Платонов упоминает Ульянова как близкого знакомого и в знаменитом «академическом деле»[15].

После трех лет работы в Архангельском пединституте в 1930–1933 гг. Н. И. Ульянов возвращается в родной город и работает доцентом кафедры истории России и народов СССР Ленинградского института истории и лингвистики (ЛИЛИ). ЛИЛИ довольно быстро преобразуют в Ленинградский институт истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ). Вскоре Н. И. Ульянов занимает должность исполняющего обязанности заведующего кафедрой истории народов СССР, становится профессором ЛИФЛИ. Одновременно Н. И. Ульянов работает на восстановленном историческом факультете ЛГУ им. А. С. Бубнова, а также читает исторические курсы в Военно-политической академии им. Н. Г. Толмачева.

В ЛИФЛИ Н. И. Ульянов состоял сотрудником комиссии по госэкзаменам в мае 1934 г.[16], а в следующем году уже являлся председателем госкомиссий (в феврале 1935 г.)[17], причем ее членами были Б. Д. Греков, Е. В. Тарле и другие известные ученые. Удалось выявить, какие предметы читал историк. В 1935 г. проф. Н. И. Ульянов вел курсы: по истории эпохи феодальной раздробленности московского государства (24 лекции и 24 семинара)[18]; истории России

П. С. Сенниковского; [сост. Л. И. Радченко, Я. С. Рогинский, Н. И. Ульянов, под рук. С. Н. Валка]. Л., 1931. 483 с.

13 Архив УФСБ. Л. 13, 17.

14 ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 4421. Л. 3.

15 Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. I: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993. С. 55.

16 Выпускной экзамен у историков // За пролетарские кадры. 1934. 28 мая; № 13 (63). С. 2.

17 ЦГАЛИ СПб. Ф. 328. Оп. 1. Д. 41. Л. 4.

18 Там же. Л. 132.

в группе истории народного хозяйства философского факультета (76 лекций и 28 семинаров)[19]; по истории феодализма (идеологическими кураторами характеризуется как «вдумчивый, знающий и талантливый историк-марксист»)[20]. Также руководил семинаром по истории смутного времени на первом курсе, на третьем курсе литфака читал историю феодальной России, а на четвертом курсе истфака — спецкурс по истории Московского государства[21]. Карьера Н. И. Ульянова стремительно шла вверх. 19 января 1935 г. замдекана В. В. Мавродин предложил числить исполняющим обязанности заведующего кафедрой «Истории СССР» доцента Н. И. Ульянова, а уже 26 марта приказ о проведении по должности подписал декан А. К. Дрезин[22]. 15 ноября 1935 г. ВАК утвердил Н. И. Ульянова в звании профессора с обязанностью защитить докторскую в двухгодичный срок[23].

Одновременно с ЛИФЛИ Н. И. Ульянов работает ученым специалистом в Историко-археографической комиссии АН СССР. С начала 1930-х гг. Н. И. Ульянов буквально заваливает Археографическую комиссию и ее руководителя в 1932–1935 гг., члена-корреспондента АН СССР Семена Григорьевича Томсинского (1894–1938) письмами и предложениями о копировании и последующей публикации документов по истории коми и Русского Севера[24]. Этнограф и историк А. И. Терюков пишет: «В фондах Археографической комиссии СПб филиала института истории РАН сохранилась часть переписки между АК и Севкомвузом о подборе различных исторических материалов в архивохранилищах Ленинграда и копировании их для исследований Н. И. Ульянова. Также имеются сведения о его поездке в Москву с 20 октября по 2 ноября 1931 г. для работы в Московском архивохранилище, а также сведения об оплате подготовки рукописи книги 1500 руб.»[25]. С. Г. Томсинскому молодого историка характеризовали самым лучшим образом как источниковеда[26]. Сам Н. И. Ульянов в это время писал: «Мои научные интересы лежат главным образом в области истории русского феодализма, в каковой связи меня занимает прежде всего история отдельных народов СССР»[27]. Инициатива, как известно, у нас наказуема и почти сразу после возвращения из Архангельска молодой историк

[19] Там же. Оп. 2. Д. 1672. Л. 18.

[20] Там же. Л. 12.

[21] *Израилевич Л.* Николай Иванович Ульянов // За пролетарские кадры. 1935. 22 янв.; № 3 (78). С. 2.

[22] ЦГАЛИ СПб. Ф. 328. Оп. 2. Д. 1672. Л. 13, 14.

[23] Там же. Л. 16.

[24] Санкт-Петербургский филиал архива РАН (далее СПФ АРАН). Ф. 133. Оп. 3. Д. 1272. Л. 7, 9, 14, 15.

[25] *Терюков А. И.* Н. И. Ульянов и его «Очерки истории народов Коми» // Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 2. СПб., 2000. С. 178.

[26] СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 1272. Л. 8.

[27] Там же. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4734. Л. 4.

подписывает договор от 15 мая 1933 г. — на редактирование «Альбома наглядных пособий по истории России и народов СССР XI–XIX вв.» до 1 февраля 1934 г.[28] В тот же день Н. И. Ульянов стал ученым специалистом Историко-археографической комиссии с окладом 400 рублей[29]. Постановлением Президиума АН СССР от 15 февраля 1936 г. на базе Историко-археографического института АН СССР, Института книги, документа и письма и Института истории Ленинградского отделения Красной академии было создано Ленинградское отделение Института истории АН СССР[30]. В нем Н. И. Ульянов проработал до своего ареста.

В ЛИФЛИ большинство работавших там были представителями так называемого «марксистского» направления в науке и последователями М. Н. Покровского. Отношения с ними у Н. И. Ульянова сложились напряженные, особенно с «проработчиками» по «Платоновскому делу» — профессором Михаилом Мироновичем Цвибаком (1899–1937) и деканом исторического факультета ЛГУ Григорием Соломоновичем Зайделем (1893–1937). Ученик С. Ф. Платонова принципиально отстаивал позиции русской классической исторической науки. Например, в многотиражке ЛИФЛИ в заметке студента Гришина говорилось: «В списке литературы, рекомендованной проф. Цвибаком для подготовки к сессии, основным пособием является курс Покровского. Тов. Ульянов, который будет принимать зачеты, в беседе с некоторыми студентами сказал, что основной упор надо сделать на проработку таких трудов, как курсы Ключевского, Платонова»[31].

Среди своих коллег по ЛИФЛИ Н. И. Ульянов положительно отзывался о Митрофане Васильевиче Левченко (1890–1955), который, будучи аспирантом, занимал в ЛИФЛИ должности помощника декана и заведующего учебной частью и очень тяготился административной работой. На вопрос Н. И. Ульянова, не встречались ли они на лекциях Ф. И. Успенского, ответил что-то неразборчивое. Вскоре М. В. Левченко перешел работать к академику В. В. Струве и стал заниматься историей Византии.

Н. И. Ульянов вспоминал об этом так: при случайной встрече на набережной Невы разговорчивый и веселый М. В. Левченко сам подошел к нему и сообщил: «Я бросил административную работу». Н. И. Ульянов объяснял его поведение так: «В ту пору, когда большевики косо смотрели на такие “буржуазные” науки, как история Византийской империи, он об этом и не заикался, но, служа на маленькой должности в институте, не переставал следить за иностранной литературой по византоведению»[32].

[28] СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4734. Л. 3.

[29] Там же. Ф. 133. Оп. 3. Д. 55. Л. 4.

[30] Там же. Оп. 1. Д. 1455. Л. 59.

[31] *Гришин*. Необходимо внести ясность // За пролетарские кадры. 1935. 4 янв., № 1 (76). С. 2.

[32] *Ульянов Н. И.* Русские историки XX века. Цит. по: *Коряков М.* Галилеи нашего времени // Новое русское слово. 1958. 27 марта. С. 8.

Действительно, в 1933 г. возобновилась деятельность по изучению истории Византии в Государственной академии истории материальной культуры, М. В. Левченко был зачислен туда старшим научным сотрудником и занимался там исследованием аграрных отношений Византии V–VII вв. Впоследствии ученик Ф. И. Успенского, М. В. Левченко стал не только известным ученым, но и организовал в Ленинградском отделении Института истории АН СССР византийскую группу в 1939 г., стал директором этого института в 1940–1944 гг. и создал кафедру византоведения ЛГУ. Н. И. Ульянов считал, что его сослуживец одним из первых обратил внимание на значение переселения славянских народов в судьбах Византийской империи, его книги[33] — подлинный вклад в византоведение и славяноведение[34].

В особенности интересен рассказ Н. И. Ульянова о трансформациях взглядов другого директора института истории (1936–1938 гг.), академика Бориса Дмитриевича Грекова (1882–1953). Приведем обширную цитату полностью: «По характеру Греков был необычайно мягким человеком, до “киселеобразности”. Как ученый он считал себя “техником”. Действительно, он, как редко кто, знал источники. Но у него не было никаких историософских воззрений. Такой человек — находка для большевицкого режима. Вот, например, как в 1934 г. появилась на свет книга Б. Д. Грекова “Очерки по истории феодализма в России”[35]. Два ленинградских историка Пригожин[36] и Цвибак вычитали у Маркса мысль об ослаблении крепостничества и вторичном закрепощении крестьян. Поскольку в понимании марксистов русский исторический процесс ничем не отличается от западного, Пригожин и Цвибак решили разработать эту тему на русском материале. Беда была, однако, в том, что они не владели этим материалом, не были “техниками”. Тогда же эта марксистская схема и была подсунута Б. Д. Грекову. Он с удовольствием брал чужие схемы, потому что [это] избавляло его от непривычной для него работы. Так получились “Очерки по истории феодализма”, построенные по схеме “ослабления крепостничества и вторичного закрепощения”. Впоследствии Пригожин и Цвибак были арестованы как троцкисты, и та схема, которую они подсунули Грекову, тоже была объявлена “троцкистской”. Б. Д. Греков публично отрекся от своего труда.

[33] История Византии. Краткий очерк. М.; Л.: Соцэкгиз, 1940; Очерки по истории русско-византийских отношений. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956.

[34] *Ульянов Н. И.* Русские историки XX века. Цит. по*: Коряков М.* Галилеи нашего времени // Новое русское слово. 1958. 27 марта. С. 8.

[35] *Греков Б. Д.* Очерки по истории феодализма в России. Система господства и подчинения в феодальной деревне // Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л., 1934. Вып. 72. С. 25–159.

[36] Упоминаемый в цитате Абрам Григорьевич Пригожин (1896–1937), член ВКП(б), участник подавления Кронштадтского восстания, профессор Всесоюзного коммунистического сельскохозяйственного университета им. И. В. Сталина и Института истории Ленинградского отделения Комакадемии, директор Московского историко-философско-литературного института (МИФЛИ), репрессирован и расстрелян как троцкист.

В последующих работах Грекова “Киевская Русь” и “Крестьяне на Руси с древних времен” — нет и следа этой схемы. Б. Д. Грекова арестовывали по делу Платонова и Тарле. После ареста он “боялся собственной тени”. В конце концов Б. Д. Греков стал депутатом Верховного Совета, трижды лауреатом Сталинской премии, получил ордена Ленина»[37]. На совершенно другой источниковой базе этот фактический материал подтверждает в своей статье о М. М. Цвибаке историк В. С. Брачев[38].

Н. И. Ульянов вспоминал в автобиографии, посланной историку Б. И. Николаевскому: «В 1935 г. вступил в полемику с акад. Б. Д. Грековым по поводу развиваемой им теории “о двух изданиях” крепостного права в России. Результатом явилась работа (свыше 5 печ. листов), которая была принята к печати, но которая подобно ряду других статей, погибла в связи с моим арестом»[39]. Действительно, еще 25 января 1935 г. в прениях на заседании кафедры народов СССР ЛИФЛИ молодой историк критиковал теорию второго закрепощения и ее сторонников А. И. Малышева, М. М. Цвибака и Б. Д. Грекова. В протоколе заседания кафедры отмечалось также, что Б. Д. Греков отходит от поддержки этой теории[40]. В печать даже была сдана по линии АН СССР подготовленная работа «Проблема второго издания крепостничества в России»[41]. Уже в эмиграции в рецензии на труд В. Б. Эльяшевича «История права поземельной собственности в России» Н. И. Ульянов приводит теорию «второго закрепощения» как убедительный пример механической подгонки русской истории под западноевропейскую в экономической интерпретации марксизма: «Б. Д. Греков ныне как будто отошел от этой точки зрения, но его опыт может считаться самым показательным в смысле пути, которым до сих пор шла наша научная мысль в создании обобщающих схем и философии отечественной истории. Это путь подчинения конкретного исторического материала готовым умозрительным теориям либо выводам, сделанным на основании изучения чужих народов»[42].

Среди сотрудников Института истории РАН, сослуживцев Н. И. Ульянова того времени надо выделить имена таких впоследствии известных историков, как Шнеер Менделевич Левин (1897–1969) (с сентября 1934 г.), Александр Львович Шапиро (1908–1994) (с 1934 г.) и Р. И. Козинцева. Руфь Иосифовна

[37] *Ульянов Н. И.* Русские историки XX века. Цит. по: *Коряков М.* Галилеи нашего времени // Новое русское слово. 1958. 27 марта. С. 8.

[38] *Брачев В. С.* Историк М. М. Цвибак и его судьба (1899–1937) // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2008. № 2. С. 33–54.

[39] Hoover Institution Archives. Stanford University. B. I. Nicolaevsky Coll. Box. 744, Fold. 1 (Н. И. Ульянов). P. 1.

[40] ЦГА ИПД СПб. Ф. 5063. Оп. 1. Д. 1. Л. 4. См. так же: ЦГА ИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 162412. Л. 10 об.

[41] СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4734. Л. 6.

[42] *Ульянов Н. И.* Сокрушение кумиров (Новое в русской историографии) // Возрождение. 1952. № 24. С. 175.

Козинцева (1906–1985) — сотрудник с 1931 г. и с 1934 г. аспирант ЛГУ, впоследствии была репрессирована и на допросе 27 июня 1937 г. вспоминала, что училась у Н. И. Ульянова[43].

Под эгидой Академии наук Н. И. Ульянов опубликовал свои труды: «Исторические материалы о Кольском полуострове, хранящиеся в Московском древлехранилище» в «Сборнике материалов истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв.», оформленном как «материалы комиссии экспедиционных исследований», серия «Северная»[44], и «Феодальная колонизация и экономика Мурмана в XVII в.» в «Историческом сборнике» в томе перовом «Трудов истории АН СССР»[45]. Удалось также выявить и работы, написанные Н. И. Ульяновым и сданные в печать, но погибшие при аресте в 1936 г. Видимо, намечалась брошюра «Буржуазно-националистическое движение и панфинская пропаганда в Карелии (1905–1917 гг.)» в три печатных листа[46] и отдельная статья в следующем выпуске «Исторического сборника» (Л., 1935) «Национально-освободительное и панфинское движение в Карелии». Для «Исторического сборника» лежала также статья «Общественно-политические взгляды Б. Н. Чичерина» или «Политические воззрения Б. Н. Чичерина» в три печатных листа[47]. Н. И. Ульянов написал также работу «Карелия в эпоху Великого Новгорода», вариант названия: «Карелия в эпоху новгородского владычества»[48]. Благодаря рекламе на обложке библиографического указателя известно о статье «Источниковедение народов Севера», предполагаемой в сборнике № 1 — «Проблемы источниковедения» Историко-археографического института АН СССР (Л., 1933)[49]. В 1935–1936 гг. в Ленинграде должны были выйти составленные Н. И. Ульяновым и под его редакцией «Сборник материалов по истории Тульской оружейной слободы» и «Торговая книга конца XVI века». Ю. В. Дойков также утверждает, что пропала и капитальная работа «История русского Севера»[50]. Сам Н. И. Ульянов писал: «Незадолго до ареста я принялся за монографию

[43] *Ганелин Р. Ш.* Руфь Иосифовна Козинцева (1906–1985). По документам и воспоминаниям // Ганелин Р. Ш. В России Двадцатого века. Статьи разных лет. М., 2014. С. 678.

[44] Исторические материалы о Кольском полуострове, хранящиеся в Московском древлехранилище // Сборник материалов истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв. / АН СССР, материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 24. Сер. Северная. Л., 1930. С. 20–161.

[45] Феодальная колонизация и экономика Мурмана в XVII в. // Исторический сборник / Труды истории АН СССР. Т. 1. Л., 1934. С. 89–139.

[46] СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4734. Л. 6.

[47] Там же.

[48] Там же.

[49] *Вознесенский С. В.* Материалы для библиографии истории народов СССР XVI–XVII. Л., 1933. С. 3 обл.

[50] *Дойков Ю.* Личное дело № 43, или Судьба эмигранта Ульянова // Волна. [Архангельск]. 1991. 7 нояб.; № 15. С. 5.

по истории крестьянской войны начала XVII века, которая должна была явиться докторской диссертацией»[51].

Противники и оппоненты Н. И. Ульянова любили и любят напоминать совершенно «советские» цитаты из его работ начала 1930-х гг.[52] Но насколько в условиях советской «всецензуры» («сверхцензуры»), принудительного идеологического редактирования, дописывания авторского текста и практики насильственной вставки цитат можно говорить об объективном отражении взглядов историка Н. И. Ульянова? С другой стороны, можно только согласиться с историками В. С. Брачевым и А. С. Лавровым: «Конечно, проще всего было бы обойти работы Ульянова этого времени, просто противопоставив их более зрелым трудам, написанным в эмиграции. Однако нельзя не заметить, что именно в дискуссиях 20-х гг. сложилась та эрудиция в истории политической и правовой мысли, то умение видеть за частным историческим сюжетом целую историко-философскую проблему, которая будет характерна для него впоследствии»[53]. Не углубляясь подробно в эту проблему, также отметим, что все мемуарные источники свидетельствуют, что в лекциях и семинарах Н. И. Ульянов придерживался именно тех научных позиций, что и в эмиграции.

Блестящая карьера Н. И. Ульянова внезапно прервалась при нижеследующих обстоятельствах. После выхода 16 мая 1934 г. «Постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б) о восстановлении преподавания гражданской истории в школе» начинается официальное разоблачение школы М. Н. Покровского. Многие противники и недруги Н. И. Ульянова были изгнаны из учебных и научных заведений. В юбилейном номере институтской многотиражки «За пролетарские кадры» от 7 ноября 1935 г. появилась статья Н. И. Ульянова под весьма символичным названием: «Советский исторический фронт»[54]. Фраза из этой статьи — «Наша историческая наука быстро шла к своему вырождению» — оказалась роковой, она была признана антипартийной формулировкой, и за это Н. И. Ульянова исключили из кандидатов в ВКП(б) 27 ноября 1935 г.[55] Ульянов лишь неосторожно публично высказал то, что было на уме, а возможно, и на языке у многих других, правда, более осторожных коллег[56]. Как он сам писал, «заработался и утратил бдительность»[57].

---

[51] Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее Архив УФСБ). Ф. архивно-следственных дел. Д. П-71288. Т. 1. Л. 59.

[52] *Николаевский Б. И.* Об общественном и личном (Вынужденный ответ Н. Ульянову) // Социальный вестник. 1960. № 11. С. 220–224.

[53] *Брачев В. С., Лавров А. С.* Н. И. Ульянов — историк России // Вестник СПбГУ. 1993. Сер. 6. Вып. 4 (27). С. 130.

[54] За пролетарские кадры. 1935. 7 нояб.; № 20 (94). С. 2.

[55] Архив УФСБ. Ф. архивно-следственных дел. Д. П-71288. Т. 1. Л. 15, 79.

[56] *Брачев В. С., Лавров А. С.* Н. И. Ульянов — историк России. С. 130.

[57] ЦГА ИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 162412. Л. 10 об.

Формально Н. И. Ульянов был уволен из ЛИФЛИ 29 ноября 1935 г. приказом директора за № 162б от 27 ноября того же года[58]. Вместе с тем благодаря протоколам кафедры истории народов СССР становится ясно, что Ульянов присутствовал на заседаниях 7 марта, 23 апреля, 27 мая 1936 г. и даже выступал в прениях по докладу В. В. Мавродина «Образование Московского государства и возникновение абсолютизма в России»[59]. Приказом от 9 апреля в комиссию по госэкзаменам назначили проф. Н. И. Ульянова[60], приказ № 73 от 8 июня 1936 г., т.е. после ареста, гласит: оплатить 3 часа работы по госам на истфаке[61]. Можно сделать вывод: до самого заключения Н. И. Ульянов оставался профессором исторического факультета ЛИФЛИ.

Из института истории АН СССР Н. И. Ульянов был задним числом отчислен 19 июня 1936 г. (официально якобы 16 июня 1936 г. «исключен из списков сотрудников»)[62] и некоторые даты вписаны сверху. Причем А. И. Терюков убедительно доказывает: «Приказ по увольнению Н. И. Ульянова (№ 29 от 19 июня 1936 г.) был подписан не зам. директора Института истории АН СССР академиком Б. Д. Грековым, а его помощником по административно-хозяйственной части П. Г. Спирченко, который к тому же, согласно самого этого приказа, находился в Москве. А сам Б. Д. Греков в этот день подписал совершенно другой приказ № 28, что свидетельствует о том, что он находился в Ленинграде»[63].

Статья в многотиражке и исключение из кандидатов ВКП(б) стали не единственной причиной ареста Н. И. Ульянова 2 июня 1936 г. На него дали признательные показания С. Г. Томсинский, Г. С. Зайдель и И. М. Меламед[64]. На самом деле эти показания были типичной подтасовкой в работе следствия 1930-х гг. Бывший начальник Н. И. Ульянова С. Г. Томсинский имел бурную революционную биографию. Он был членом Бунда (1908–1916 гг.) и ВКП(б) (с марта 1919, а в 1924 и 1927 гг. исключался как троцкист), окончил Институт красной профессуры, достиг должности зам. председателя Казахстанского филиала АН СССР. С. Г. Томсинский председательствовал на скандально известном заседании Института истории при ЛОКА и Ленинградского отделения общества историков-марксистов 29 января — 1, 12 и 16 февраля 1931 г. по проработке школ С. Ф. Платонова и Е. В. Тарле. Арестованный 19 апреля 1936 г. он указал, что *А.* И. Ульянов (именно так указано в протоколе)

[58] ЦГАЛИ. Ф. 328. Оп. 2. Д. 1672. Л. 15, 19.

[59] Там же. Оп. 1. Д. 44а. Л. 20, 23, 25.

[60] Там же. Д. 61. Л. 149.

[61] Там же. Д. 62. Л. 2.

[62] СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 55. Л. 4.

[63] *Терюков А. И.* Н. И. Ульянов и его «Очерки истории народов Коми» // Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 2. СПб., 2000. С. 176.

[64] Архив УФСБ. Ф. архивно-следственных дел. Д. П-71288. Т. 1. Л. 79, 80

является «скрытым троцкистом»[65], но именно это и послужило «фактом» вербовки в контрреволюционную троцкистско-зиновьевскую организацию[66]. Другой бывший начальник Н. И. Ульянова Г. С. Зайдель — выпускник Института красной профессуры, член ВКП(б) (с 1919 по 1934 г.), зам. председателя Коммунистической академии в Ленинграде, один из основных «проработчиков» С. Ф. Платонова по «академическому делу», директор Института истории Ленинградского отделения Красной Академии в 1930–1934 гг., сотрудник ЛИФЛИ, первый декан исторического факультета ЛГУ. В 1935 г. Г. С. Зайделя сослали в Саратов, и к моменту ареста в апреле 1936 г. он был профессором Саратовского пединститута и госуниверситета. Обвинялся как руководитель троцкистской организации, якобы готовивший теракт против И. В. Сталина и С. М. Кирова. Г. С. Зайдель только указал на принадлежность Н. И. Ульянова к контрреволюционной организации[67]. Израиль Моисеевич Меламед — сотрудник Института истории Ленинградского отделения Красной академии только подтвердил, что якобы С. Г. Томсинский завербовал Н. И. Ульянова и обработал его в контрреволюционном духе[68].

Вина Н. И. Ульянова была даже по меркам 1936 г. настолько липовая, что в «Постановлении» от 7 октября 1936 г. о выделении в отдельное дело признавалось, что «контрреволюционная деятельность УЛЬЯНОВА Н. И. непосредственной связи с контрреволюционной деятельностью остальных участников не имеет»[69].

Уже из Соловецкого лагеря Н. И. Ульянов писал: «Следователь утверждал, будто я был “обработан” Томсинским и вел с ним разговоры контрреволюционного порядка, в каковых подвергалась критике и осуждению политика ЦК партии в области исторической науки. Никаких конкретных данных, подтверждающих мою вину, мне при этом не было предъявлено; ни одной ссылки на какой-нибудь отдельный случай разговора, равно как на содержание такого разговора, не было сделано. Единственным предъявленным доказательством были выдержки из копий протокола допроса Томсинского, Зайделя (бывш[ий] директор Лен[инградского] отд[еления] Ком[мунистической] академии) и Меламеда (бывш[ий] сотрудник ЛОКА), где Томсинский заявляет, что знает меня как скрытого троцкиста, а Зайдель и Меламед — как участника контрреволюционной организации. Никаких опять-таки намеков на конкретные факты в подтверждение своих заявлений помянутые лица не приводят»[70]. Мало того, Н. И. Ульянов подчеркивал: «Начать с того, что некоторые мои личные осо-

[65] Архив УФСБ. Ф. архивно-следственных дел. Д. П-71288. Т. 1. Л. 23.

[66] Там же. Л. 1.

[67] Там же. Л. 46, 64.

[68] Там же. Л. 38.

[69] Там же. Л. 1.

[70] Там же. Л. 51 об.

бенности и скромное партийное и служебное положение ставили меня всегда на почтительное расстояние от этих “генералов” исторического фронта, исключая всякую сколько-нибудь интимную близость с ними. С Зайделем, например, я имел всего лишь 3–4 сугубо официальных разговора в общественном месте и присутствии большого количества людей. С Меламедом у меня было буквально “шапочное” знакомство, и я могу только поражаться той наглости, с которой он лжет в своем показании. Что касается Томсинского, связь с которым мне особенно инкриминировалась, то характер знакомства с ним был не таков, чтобы на этой почве могла произойти какая-то “обработка” меня в троцкистском духе. С 1927 по 1930 г. меня в Ленинграде не было, я проходил в Москве аспирантуру и с Томсинским не был знаком вовсе. С 1930 по 1933 г. я работал преподавателем Комвуза в Архангельске и лишь изредка наезжал в Ленинград для занятий в библиотеках и архивах. В одну из таких поездок в 1932 г. я познакомился с Томсинским. Мне надо было у него как директора Историко-Археологического института получить разрешение на занятия в архиве института. Знакомство было строго официальным. Таким же оно продолжало оставаться и после моего переезда в Ленинград в 1933 г. Никаким служебным или иным успехом в Ленинграде я не был обязан Томсинскому»[71]. Уже в концлагере, пытаясь оправдаться, историк писал: «Местом моей основной [работы] был Ленинградский институт истории, философии и лингвистики, а впоследствии Ленинградский гос[ударственный] университет, куда я был направлен Горкомом ВКП(б). Никакой, следовательно, зависимости от Томсинского, могущей послужить причиной известной податливости при “обработке” — у меня на этой почве не было. В Исторический институт Академии наук я был приглашен только зимой 1934 г. и работал там по совместительству, уделяя ему гораздо меньше времени, чем другим службам. С Томсинским я работал в этом Институте, следовательно, немногим больше года, потому что в самом начале 1935 г. он был уже убран из Ленинграда. В продолжение этого времени мои отношения с ним не выходили за рамки служебных. Я не только не участвовал с ним ни в какой организации, но даже не подозревал о существовании таковой. Встречи с Томсинским происходили в Институте на глазах у множества людей и никаких политических, тем более антипартийных разговоров между нами не было. Всякие утверждения обратного порядка являются чистейшей ложью и не могут быть подтверждены конкретными фактами»[72].

Совершенно ясно, что ученик С. Ф. Платонова, непримиримый противник школы М. Н. Покровского не мог иметь просто даже дружеских отношений со своими оппонентами, а тем более входить с ними в «троцкистскую организацию». Н. И. Ульянов в письме из Соловецкого лагеря всячески этот постулат подчеркивал: «Мои отношения с ним были далеки от дружеских, все работники

[71] Там же. Л. 56.

[72] Там же. Л. 56 об.

Института знают о наших неоднократных столкновениях, в результате которых я одно время собирался уходить из Института. Томсинский ни в научном, ни в политическом отношении не являлся для меня авторитетом. Он был типичным представителем школы Покровского, с которой я всегда боролся, и нужно было полное игнорирование обстановки на историческом фронте, чтобы приписать мне вкупе с ним какую-то дискредитацию исторической науки. Ведь до 1936 г. в области истории наблюдалось засилье школы Покровского, видным представителем которой являлся Томсинский. Выходит, что он "обрабатывал" меня на предмет дискредитации его же самого»[73]. Но в 1930-х гг. случались и не такие чудеса.

На следствии Н. И. Ульянов держался очень достойно, виновным себя не признавал, и никого не опорочил. Против него применялась пытка лишением сна, так на третий месяц заключения следователь «держал в продолжение 5 суток днем и ночью без сна и отдыха, отпуская в камеру только для принятия пищи, да и то только после того, как она остывала»[74].

Но всё это не спасло историка от суда за «контрреволюционную деятельность, пропаганду и протаскивание антипартийных взглядов в печати» и за участие в «к.-р. организации троцкистско-зиновьевской организации» — т.е. ст. 58–10–11 УК. Правда, дело было настолько шито «белыми нитками», что в результате дали минимальный срок — 5 лет.

Свой пятилетний срок Н. И. Ульянов отбывал сначала на Соловках (в Благовещенск только ушел поезд с политическими заключенными, поэтому НКВД отправило его в ближайший уголовный лагерь[75]), а затем в Норильске. Реабилитирован Н. И. Ульянов прокуратурой г. Ленинграда 15 августа 1989 г.

К научной деятельности Н. И. Ульянов смог вернуться только в эмиграции через 13 роковых лет. Став впоследствии профессором Йельского университета, он написал около 200 работ. Н. И. Ульянов интересен нашим современникам своими трудами по философии истории, национальному вопросу в России, происхождению украинского сепаратизма и многими другими.

References

Academićeskoe delo 1929–1931 gg. Vyp. I: Delo po ob'vineniyu akademika S. F. Platonova. SPb., 1993.

Bagbasarăn V. Istoriografiă russkogo zarubej'ă: Nicolay Ivanović Oulianoff. M., 1997.

Brachev V. S. Istorik M. M. Tsvibak i ego sud'ba (1899–1937) // Obschestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana). 2008. N 2. S. 33–54.

Brachev V. S., Lavrov A. S. N. I. Oulianoff — istorik Rossii // Vestnik SPbGU. 1993. Ser. 6. Vyp. 4 (27).

Doikov Yu. Lićnoe delo N 43, ili Sud'ba emigranta Oulianoffa // Volna [Arhangel'sk]. 1991. 7 noăb.; N 15.

Ganelin R. Sh. Ruf' Iosifovna Kozintseva (1906–1985). Po dokumentam i vospominaniăm // Ganelin R. Sh. V Rossii dvadtsatogo veka. M., 2014.

Grekov B. D. Oćerki po istorii feodalizma v Rossii. Sistema gospodsva i podćineniă v feodal'noj derevne // Izvestiă Gosudarstvennoy akadenii istorii material'noi kul'tury. M.; L., 1934. Vyp. 72.

[73] Архив УФСБ. Ф. архивно-следственных дел. Д. П-71288. Т. 1. Л. 56 об.

[74] Там же. Л. 52

[75] Там же. Л. 82.

Grishin. Neobhodimo vnesti ăsnost' // Za proletarskie kadry. 1935. 4 ănv.; N 1 (76).

Izrailević L. Nicolay Ivanovich Oulianoff // Za proletarskie kadry. 1935. 22 ănv.; N 3 (78).

Korăkov M. Galilei nashego vremeni // Novoe russkoe slovo. 1958. 27 marta.

Nicolaevskiy B. I. Ob obschestvennom i lićnom (Vynujdennyj otvet N. Oulianoffu) // Sotsialistićeskii vestnik. 1960. N 11.

Otkliki: Sbornik statei pamăti Nicolaya Ivanovića Oulianoffa (1904–1985). New Haven, 1986.

Oulianoff N. I. Istorićeskie materialy o Kol'skom poluostrove, hranăxkschiesă v Moskovskom drevlehranilische // Sbornik materialov istorii Kol'skogo poluostrova v XVI–XVII vv. / AN SSSR, materialy komissii ekspeditsionnyh issledovaniy. Vyp. 24. Ser. Severnaă. L., 1930.

Oulianoff N. I. Feodal'naya kolonizatsiă i ekonomika Murmana v XVII в. // Istorii sbornik / Trudi istorii AN SSSR. T. 1. L., 1934.

Oulianoff N. I. S. F. Platonov // Spusk flaga. New Haven, 1979.

Oulianoff N. I. Sokrushenie kumirov (Novoe v russkoi istoriografii) // Vozrojdenie. 1952. N 24.

Platonov S. F. Problema russkogo Severa v noveyshey istoriografii // Letopis' zanătij Arheografićeskoy komissii za 1927–1928 gg. Vyp. 35. L., 1929.

Sotsial-demokratićeskie listovki 1894–1917: Bibliogr. ukaz. T. 1: Listovki tsentral'nyh ućrejdeniy i zagranićnyh organizatsiy. L., 1931.

Teryukov A. I. N. I. Oulianoff i ego «Oćerki istorii narodov Komi» // Deăteli russkoi nauki XIX–XX vv. Vyp. 2. SPb., 2000.

Voznesenskiy S. V. Materialy dlă bibliografii istorii narodov SSSR XVI–XVII vv. L., 1933.

Список литературы

Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. I: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993.

Багдасарян В. Э. Историография русского зарубежья: Николай Иванович Ульянов. М., 1997.

Брачев В. С. Историк М. М. Цвибак и его судьба (1899–1937) // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2008. № 2. С. 33–54.

Брачев В. С., Лавров А. С. Н. И. Ульянов — историк России // Вестник СПбГУ. 1993. Сер. 6. Вып. 4 (27).

Вознесенский С. В. Материалы для библиографии истории народов СССР XVI–XVII. Л., 1933.

Греков Б. Д. Очерки по истории феодализма в России. Система господства и подчинения в феодальной деревне // Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л., 1934. Вып. 72. С. 25–159.

Исторические материалы о Кольском полуострове, хранящиеся в Московском древлехранилище // Сборник материалов истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв. / АН СССР, материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 24. Сер. Северная. Л., 1930. С. 20–161.

Отклики: Сборник статей памяти Николая Ивановича Ульянова (1904–1985). Нью Хэвен, 1986.

Платонов С. Ф. Проблема русского Севера в новейшей историографии // Летопись занятий Археографической комиссии за 1927–1928 гг. Вып. 35. Л., 1929.

Социал-демократические листовки 1894–1917: Библиогр. указ. Т. 1: Листовки центральных учреждений и заграничных организаций / Под ред. Б. П. Бирмана, Г. И. Крамольника, П. С. Сенниковского; [сост.: Л. И. Радченко, Я. С. Рогинский, Н. И. Ульянов, под рук. С. Н. Валка]. Л., 1931.

Терюков А. И. Н. И. Ульянов и его «Очерки истории народов Коми» // Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 2. СПб., 2000.

Ульянов Н. И. С. Ф. Платонов // Спуск флага. New Haven, 1979. С. 125–127.

Феодальная колонизация и экономика Мурмана в XVII в. // Исторический сборник / Труды истории АН СССР. Т. 1. Л., 1934. С. 89–139.